

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2025/2026 учебного года
Муниципальный этап
11 класс**

Аналитическое задание (50 баллов)

Вариант 1 (по выбору)

Выполните целостный анализ стихотворения **Иннокентия Анненского** «**Первый фортепьянный сонет**». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заворожил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристально чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

1904

***Иннокентий Фёдорович Анненский** (1855-1909) — русский поэт, драматург и переводчик, критик, исследователь литературы и языка.

Вариант 2 (по выбору)

Выполните целостный анализ произведения **Ивана Бунина** «**Заря всю ночь**». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

I

На закате шёл дождь, полно и однообразно шумя по саду вокруг дома, и в незакрытое окно в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени. Гром грохотал над крышей, гулко возрастая и раздражаясь треском, когда мелькала красноватая молния, от нависших туч темнело. Потом приехали с поля в мокрых чекменах работники и стали распрягать у сарая

грязные сохи, потом пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу рёвом и блеянием. Бабы бегали по двору за овцами, подоткнув подола и блестя белыми босыми ногами по траве; пастушонок в огромной шапке и растрёпанных лаптях гонялся по саду за коровой и с головой пропадал в облитых дождем лопухах, когда корова с шумом кидалась в чащу... Наступила ночь, дождь перестал, но отец, ушедший в поле еще утром, всё не возвращался.

Я была одна дома, но я тогда никогда не скучала; я ещё не успела насладиться ни своей ролью хозяйки, ни свободой после гимназии. Брат Паша учился в корпусе, Анюта, вышедшая замуж ещё при жизни мамы, жила в Курске; мы с отцом провели мою первую деревенскую зиму в уединении. Но я была здорова и красива, нравилась сама себе, нравилась даже за то, что мне легко ходить и бегать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказание. За работой я напевала какие-то собственные мотивы, которые меня трогали. Увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась. И, кажется, все было мне к лицу, хотя одевалась я очень просто.

Как только дождь прошёл, я накинула на плечи шаль и, подхватив юбки, побежала к парку, где бабы доили коров. Несколько капель упало с неба на мою открытую голову, но лёгкие неопределённые облака, высоко стоявшие над двором, уже расходились, и на дворе реял странный, бледный полусвет, как всегда бывает у нас в майские ночи. Свежесть мокрых трав доносилась с поля, мешаясь с запахом дыма из топившейся людской. На минуту я заглянула и туда, - работники, молодые мужики в белых запашных рубахах, сидели вокруг стола за чашкой похлебки и при моем появлении встали, а я подошла к столу и, улыбаясь над тем, что я бежала и запыхалась, сказала:

- А папа где? Он был в поле?

- Они были не надолго и уехали, - ответило мне несколько голосов сразу.

- На чём? - спросила я.

- На дрожках, с барчуком Сиверсом.

- Разве он приехал? - чуть не сказала я, поражённая этим неожиданным приездом, но, вовремя спохватившись, только кивнула головой и поскорее вышла.

Сиверс, кончив Петровскую академию, отбывал тогда воинскую повинность. Меня ещё в детстве называли его невестой, и он тогда очень не нравился мне за это. Но потом мне уже нередко думалось о нём, как о женихе; а когда он, уезжая в августе в полк, приходил к нам в солдатской блузе с погонями и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я начала свыкаться с мыслью, что буду его женой. Весёлый, загорелый - резко белела у него только верхняя половина лба, - он был очень мил мне.

«Значит, он взял отпуск», - взволнованно думала я, и мне было и приятно, что он приехал, очевидно, для меня, и жутко. Я торопилась в дом приготовить отцу ужин, но, когда я вошла в лакейскую, отец уже ходил по

золу, стуча сапогами. И почему-то я необыкновенно обрадовалась ему. Шляпа у него была сдвинута на затылок, борода растрепана, длинные сапоги и чесучовый пиджак закиданы грязью, но он показался мне в эту минуту олицетворением мужской красоты и силы.

- Что ж ты в темноте? - спросила я.

- Да я, Тата, - ответил он, называя меня, как в детстве, - сейчас лягу и ужинать не буду. Устал ужасно, и притом, знаешь, который час? Ведь теперь всю ночь заря, заря зарю встречает, как говорят мужики. Разве молока, - прибавил он рассеянно.

Я потянулась к лампе, но он замахал головой и, разглядывая стакан на свет, нет ли мухи, стал пить молоко. Соловьи уже пели в саду, и в те три окна, что были на северо-запад, виднелось далёкое светло-зелёное небо над лиловыми весенними тучками нежных и красивых очертаний. Все было неопределенно и на земле, и в небе, всё смягчено лёгким сумраком ночи, и всё можно было разглядеть в полусвете непогасшей зари. Я спокойно отвечала отцу на вопросы по хозяйству, но, когда он внезапно сказал, что завтра к нам придёт Сиверс, я почувствовала, что краснею.

- Зачем? - пробормотала я.

- Свататься за тебя, - ответил отец с принуждённой улыбкой. - Что ж, малый красивый, умный, будет хороший хозяин... Мы уж пропили тебя.

- Не говори так, папочка, - сказала я, и на глазах у меня навернулись слезы.

Отец долго глядел на меня, потом, поцеловав в лоб, пошёл к дверям кабинета.

- Утро вечера мудренее, - прибавил он с усмешкой.

II

Сонные мухи, потревоженные нашим разговором, тихо гудели на потолке, мало-помалу задремывая, часы зашипели и звонко и печально прокуковали одиннадцать...

«Утро вечера мудренее», - пришли мне в голову успокоительные слова отца, и опять мне стало легко и как-то счастливо-грустно.

Отец уже спал, в кабинете было давно тихо, и всё в усадьбе тоже спало. И что-то блаженное было в тишине ночи после дождя и старательном выщелкивании соловьев, что-то неуловимо прекрасное реяло в далёком полусвете зари. Стараясь не шуметь, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочках из комнаты в комнату, поставила в холодную печку в прихожей молоко, мёд и масло, прикрыла чайный сервиз салфеткой и прошла в свою спальню. Это не разлучало меня с соловьями и зарей. Ставни в моей комнате были закрыты, но комната моя была рядом с гостиной, и в отворённую дверь, через гостиную, я видела полусвет в зале, а соловьи были слышны во всем доме. Распустив волосы, я долго сидела на постели, всё собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотилась на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказал надо мной: «Сиверс!» - я,

вздрагнув, очнулась, и вдруг мысль о замужестве сладким ужасом, холодом пробежала по всему моему челу...

Я лежала долго, без мыслей, точно в забытии. Потом мне стало представляться, что я одна во всей усадьбе, уже замужняя, и что вот в такую же ночь муж вернётся когда-нибудь из города, войдёт в дом и неслышно снимет в прихожей пальто, а я предупрежу его - и тоже неслышно появлюсь на пороге спальни... Как радостно поднимет он меня на руки! И мне уже стало казаться, что я люблю. Сиверса я знала мало; мужчина, с которым я мысленно проводила эту самую нежную ночь моей первой любви, был не похож на него, и всё-таки мне казалось, что я думаю о Сиверсе. Я почти год не видала его, а ночь делала его образ ещё более красивым и желанным. Было тихо, темно; я лежала и всё более теряла чувство действительности. «Что ж, красивый, умный...» И, улыбаясь, я глядела в темноту закрытых глаз, где плавали какие-то светлые пятна и лица...

А меж тем чувствовалось, что наступил самый глубокий час ночи. «Если бы Маша была дома, - подумала я про свою горничную, - я пошла бы сейчас к ней, и мы проговорили бы до рассвета... Но нет, - опять подумала я, - одной лучше... Я возьму её к себе, когда выйду замуж...»

Что-то робко треснуло в зале. Я насторожилась, открыла глаза. В зале стало темнее, всё вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, особой ночной жизнью, которая непонятна утром. Соловьи умолкли, - медленно щелкал только один, живший в эту весну у балкона, маятник в зале тикал осторожно и размеренно-точно, а тишина в доме стала как бы напряжённой. И, прислушиваясь к каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя в полной власти этого таинственного часа, созданного для поцелуев, для воровских объятий, и самые невероятные предположения и ожидания стали казаться мне вполне естественными. Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону?

Облокотившись о подушку, я пристально смотрела в зыбкий сумрак и переживала в воображении всё, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи в глубину мокрого сада...

III

Я обулась, накинула шаль на плечи и, осторожно выйдя в гостиную, с бьющимся сердцем остановилась у двери на балкон. Потом, убедившись, что в доме не слышно ни звука, кроме мерного тиканья часов и соловьиного эхо, бесшумно повернула ключ в замке. И тотчас же соловьиное щёлканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряжённая тишина исчезла, и грудь свободно вздохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллее молодых берёзок, по мокрому песку дорожки я шла в полусвете зари, затемнённой тучками на севере, в конец сада, где была сиреневая беседка среди тополей и осин. Было так тихо, что слышно было

редкое падение капель с нависших ветвей. Всё дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней. В каждой тени мне чудилась человеческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и, когда я наконец вошла в темноту беседки и на меня пахнуло её теплотой, я была почти уверена, что кто-то тотчас же неслышно и крепко обнимет меня.

Никого, однако, не было, и я стояла, дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий, сонный лепет осин. Потом села на сырую скамью... Я ещё чего-то ждала, порою быстро взглядывала в сумрак рассвета... И ещё долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, - то страшное и большое, что в тот или иной момент встречает всех нас на пороге жизни. Оно вдруг коснулось меня - и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. Помню, что все те нежные слова, которые были в моей душе, вызвали наконец на мои глаза слёзы. Прислонясь к стволу сырого тополя, я ловила, как чьё-то утешение, слабо возникающий и замирающий лепет листьев и была счастлива своими беззвучными слезами...

Я проследила весь сокровенный переход ночи в рассвет. Я видела, как сумрак стал бледнеть, как заалело белёсое облачко на севере, сквозившее сквозь вишенник в отдалении. Свежело, я куталась в шаль, а в светлеющем просторе неба, который на глаз делался все больше и глубже, дрожала чистой яркой каплей Венера. Я кого-то любила, и любовь моя была во всём: в холоде и в аромате утра, в свежести зелёного сада, в этой утренней звезде... Но вот послышался резкий визг водовозки - мимо сада, на речку... Потом на дворе кто-то крикнул сиплым, утренним голосом... Я выскользнула из беседки, быстро дошла до балкона, легко и бесшумно отворила дверь и пробежала на цыпочках в тёплую темноту своей спальни...

Сиверс утром стрелял в нашем саду галок, а мне казалось, что в дом вошёл пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне крепко спать. Когда же я очнулась, в зале раздавались голоса и гремели тарелками. Потом Сиверс подошёл к моим дверям и крикнул мне:

- Наталья Алексеевна! стыдно! Заспались!

А мне и правда было стыдно, стыдно выйти к нему, стыдно, что я откажу ему, - теперь я знала это уже твёрдо, - и, торопясь одеться и поглядывая в зеркало на своё побледневшее лицо, я что-то шутливо и приветливо крикнула в ответ, но так слабо, что он, верно, не расслышал.

1902-1926

***Иван Алексеевич Бунин (1870-1953)** — русский писатель, поэт и переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года.

Творческое задание (20 баллов)

Памятник Владимиру Семёновичу Высоцкому в Самаре был открыт 25 января 2008 года, в день 70-летия со дня его рождения, и установлен у Дворца спорта ЦСК ВВС по улице Молодогвардейской 222. Этот монумент стал значимым культурным событием для города и символом памяти о легендарном артисте. Рассмотрите фотографию.

Представьте, что Вы – очевидец этого события. Расскажите о нём в жанре репортажа. Постройте свой текст на описании памятной композиции (не менее 3-х деталей/объектов), укажите связь поэта с Самарской областью, перечислите значимые произведения автора (не менее 4-х). Продумайте композицию репортажа, дайте название, напишите текст. Примерный объём – не менее 200 слов.

